

УДК 94(574)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/02>

Горбунова С.В.

«ПИСЬМА ИЗ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ» СУЛТАНА МЕНДАЛИ ПИРАЛИЕВА: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ РУССКОГО АДМИНИСТРАТОРА НА ИМПЕРСКУЮ ПОЛИТИКУ В КАЗАХСТАНЕ

Gorbunova S.V.

“LETTERS FROM THE TRANS-URAL STEPPE” BY SULTAN MENDALI PIRALIEV: AN UNOFFICIAL POINT OF VIEW OF A RUSSIAN OFFICIAL ON IMPERIAL POLICY IN KAZAKHSTAN

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов В.В. Григорьева на российскую политику в казахских жузах. Поскольку среднеазиатское направление было далеко не приоритетным во внешней политике Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв., центральные власти поручили непосредственные отношения с казахами оренбургскому губернатору и Оренбургской пограничной комиссии. Оренбургская, а позднее и омская, администрации не только претворяли в жизнь российскую политику на местах, но и, в свою очередь, оказывали существенное влияние на ее формирование, принимая участие в выработке большинства нормативных актов, касавшихся управления Степью. Поэтому для понимания среднеазиатской политики Российской империи, особенностей отношений с казахами и управления ими представляют интерес взгляды местных администраторов, в сферу деятельности которых входила Казахская степь. Занимавший важный пост председателя Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев предпочел изложить свою позицию широкой публике в виде писем от якобы казахского султана Мендали Пиралиева. Можно предположить, что использование этого псевдонима В.В. Григорьевым придавало большей весомости его точке зрения и давало возможность быть более свободным в характеристике политики русских властей в казахских жузах в XVIII – начале XIX вв. Эта политика, по мнению В.В. Григорьева, была ошибочной, поскольку не учитывала менталитет восточного человека и основывалась не на справедливости, а на «излишней снисходительности». Именно поэтому российская администрация не могла даже справиться с нападениями казахов на русские селения и пограничную линию, которая была возведена для отделения казахов уже после принятия ими подданства. В.В. Григорьев, возглавлявший Оренбургскую пограничную комиссию в 50 – начале 60-х гг. XIX в., когда в российских органах власти завершалось обсуждение дальнейшей судьбы Степи, рассчитывал с помощью публикации своих полемических «Писем» усилить позиции сторонников инкорпорации казахов в общеимперское политическое и правовое пространство.

Abstract. The article is devoted to the analysis of V. V. Grigoriev's views on Russian policy in the Kazakh Hordes. The interrelations with the Central Asia was not the primary one in the foreign policy of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th centuries. Therefore, the central authorities entrusted managing the Kazakhs to the Orenburg governor and the Orenburg border commission. The Orenburg and Omsk officials not only implemented Russian policy in this region, but also exerted a strong influence on its formation and took part in the development of the most normative acts in the Steppe management. Therefore, the views of local officials are of interest for understanding the Central Asian policy of the Russian Empire, the peculiarities of relations with the Kazakhs and their management. V.V. Grigoriev, who held the important post of chairman of the Orenburg Border Commission, preferred to declare his position in the form of letters from the imaginary Kazakh sultan Mendali Piraliev, because thus as we can assume his ideas got more weight and he could have felt free in describing the policy of the Russian authorities in the Kazakh Hordes. This policy, according to V.V. Grigoriev, was erroneous, because it did not take into account the mentality of an Eastern person and was based not on justice, but on “excessive indulgence”. That is why the Russian administration could not cope even with the attacks of the Kazakhs on Russian villages and the border line that had been erected to separate the Kazakhs after their taking citizenship. V.V. Grigoriev, who headed the Orenburg border commission in the 50s and early 60s. XIX century, the period of the Kazakh steppe future fate determination, perhaps expected to strengthen the positions of supporters of the incorporation of Kazakhs into the general imperial political and legal space by publishing his polemical “Letters”.

Ключевые слова: принятие российского подданства, русско-казахские пограничные конфликты, российская политика в Казахской степи, Мендали Пиралиев, ханская власть, казахские жузы.

Сведения об авторе: Горбунова Светлана Витальевна, ORCID: 0000-0001-5014-6508, канд. ист. наук, Нижневартровский государственный университет; г. Нижневартовск, Россия, s.v.gorbunova@mail.ru

Keywords: acceptance of Russian citizenship, Russian-Kazakh border conflicts, Russian policy in the Kazakh steppe, Mendali Piraliev, khan power, Kazakh zhuzes.

About the author: Gorbunova Svetlana Vitalievna, ORCID: 0000-0001-5014-6508, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, s.v.gorbunova@mail.ru

Среднеазиатское направление довольно долго находилось на периферии российской внешней политики. Даже после принятия российского подданства ханами и рядом султанов Младшего и Среднего жуза, петербургские власти продолжали считать Казахскую степь внешней областью империи, не подчиняющейся ни в коей мере общегосударственному законодательству, фактически не управляемой из центра [1, с. 110]. Проведение политики в отношении казахов было поручено оренбургским властям, в функции которых входили непосредственные сношения не только с казахами, но и всей Средней Азией. Несмотря на то, что в конце XVIII в. усилилось реальное участие центральной власти в формировании политики в этом регионе, местные имперские органы власти по-прежнему играли основную роль в этом процессе. Поэтому для понимания среднеазиатской политики Российской империи, особенностей отношений с казахами и управления ими представляют интерес взгляды оренбургских и омских администраторов, в сферу деятельности которых входила Казахская степь.

Как правило, главные оренбургские и сибирские начальники (военные губернаторы / генерал-губернаторы), чиновники по особым поручениям, председатели Оренбургской пограничной комиссии и Омского областного правления направляли изложение своей позиции в виде «записок», «заметок» и отчетов вышестоящим органам или оставляли записи в личных архивах. «Письма из Зауральской степи» В.В. Григорьева стали первой публикацией действующего чиновника, занимавшего важный пост председателя Оренбургского областного правления (так стала называться Оренбургская пограничная комиссия в 1859 г.).

Во главе Оренбургской пограничной комиссии (Областного правления) стояли, как правило, талантливые и деятельные люди. Но Василий Васильевич Григорьев был единственным руководителем этого органа, который имел востоковедческое образование (он закончил восточное отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, занимался научными изысканиями по истории Средней Азии и преподавательской деятельностью) и был теоретически подготовлен к своей должности гораздо лучше остальных администраторов. С 1844 г. В.В. Григорьев служил в министерстве иностранных дел, в 1851 г. был направлен в распоряжение оренбургского генерал-губернатора, и через три года был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии.

В 1862 г., накануне своей отставки, он начал публиковать серию писем от имени «султана Мендали Пиралиева». Принадлежность этих писем В.В. Григорьеву была

установлена его биографом И.И. Веселовским [2, с. 199]; подробно и тщательно источниковедческие аспекты публикаций от имени «Мендали Пиралиева» и причины, побудившие В.В. Григорьева использовать такой псевдоним, рассмотрены в работе А.В. Ремнева [3, с. 33–37]. А.В. Ремнев считает, что мистификация нужна была В.В. Григорьеву, в первую очередь, для того, чтобы познакомить Россию с ее Азией через взгляд придуманного степняка, мнению которого русское общество могло бы доверять больше. Однако в «Письмах» речь идет не столько о внутренних проблемах Казахской степи, сколько о русско-казахских отношениях и деятельности русской администрации. Скорее всего, В.В. Григорьев действительно рассчитывал на большее доверие к информации от имени казаха, но для того, чтобы общественное мнение помогло скорректировать русскую политику в отношении Степи.

Кроме того, занимая важнейший пост председателя Оренбургского областного правления, он, вероятно, не рискнул представить под своим именем личную позицию по проблемам управления казахами широкой публике (на это тоже указывает А.В. Ремнев), поскольку довольно критично оценивал действия российских властей, особенно в первые десятилетия номинального казахского подданства. Впрочем, в этом взгляды В.В. Григорьева не расходились с большинством дореволюционных исследователей проблем Казахской степи, которые подвергали острой и далеко не всегда обоснованной критике политику русской администрации в XVIII – первой четверти XIX вв.

Наибольшей критике подвергались действия русских властей в отношении хана Младшего жуза Абулхаира, который первым принял российское подданство и положил начало вхождения казахов в состав России. А.И. Левшин писал о «хитрости, коварстве, властолюбии и вспыльчивости» Абулхаира [4, с. 163, 171]; Л. Мейер характеризовал хана как «лживого», «уклончивого», «хитрого», «корыстолюбивого азиатца», который «горячо и необдуманно за все брался, а при неудаче также скоро охладевал к предприятию, чтобы затеять новое» [5, с. 6]; М.А. Терентьев называл его «беспокойным авантюристом», которого казахи ненавидели [6, с. 53]; а Ф.И. Лобысевич упрекал хана в принятии подданства из «личных властолюбивых целей», рассчитывая найти в России «поддержку своему слабому авторитету» [7, с. 38].

В.В. Григорьев также считал, что решение о российском подданстве было принято Абулхаиром исключительно из корыстных побуждений. Набеги же казахов на калмыков, башкир, уральских казаков, разграбления караванов объяснял нерешительностью местной администрации, которая боялась донести до центральных властей реальное положение дел. Более того, В.В. Григорьев возлагал полную ответственность за эти набеги именно на Абулхаира. Он вслед за А.И. Левшиным даже утверждал, что до 1743 г. казахи не совершали открытые нападения на российскую территорию (что явно не соответствует истине), но, когда Россия настояла том, чтобы в аманаты был прислан законный сын Абулхаира Ходжи-Ахмед вместо побочного Чингиса, хан «озлобился» настолько, что сам подстрекал барымтачей к нападениям на русскую границу. В результате, отряды в 1000, в 2000

барымтачей вторгались в малочисленные, только что основанные русские селения и «увлекали с собою за Урал все, что не могло спастись от них или быть ими истреблено» [8, с. 12].

В.В. Григорьев, впрочем, вполне справедливо отмечал, что Россия «ровно ничего не выиграла» от подданства казахов [8, с. 14]. Создание пограничных линий, отгородивших новых подданных от российской территории, потребовало много материальных и человеческих ресурсов, но никоим образом не способствовало укреплению власти над казахами и не обеспечивало защиту российского населения от набегов. Казахи продолжали оставаться независимыми: «Вступали, не спрашиваясь России, в связи союза и присяжничества с другими государствами; столько же мало, как и до того, повиновались ханам своим и султанам, так же грабили проходившие степью караваны или брали с них тягостный окуп, так же безнаказанно разоряли русские селения, похищая из них скот и увлекая в неволю жителей, так же дрались и резались между собою по разным поводам, как и встарь» [8, с. 15].

Несмотря на это, российская центральная власть, для которой казахские, в частности, и среднеазиатские дела, в целом, стояли едва ли не на последнем месте, продолжала придерживаться ошибочной, по мнению В.В. Григорьева, линии в отношении казахов, предпочитая задабривать и подкупать ханов, султанов и влиятельных старшин [8, с. 15].

В более поздней работе «Русская политика в отношении к Средней Азии», изданной уже после отставки под своим именем, В.В. Григорьев писал: «История подходов наших к обращению киргизов из номинальных подданных в действительные представляется в высшей степени комичною, по несообразности с целью и непрактичности употреблявшихся для того мер, несообразности и непрактичности вытекавших из полнейшего незнакомства заправлявших этим делом не только со страстями кочевников и пружинами, приводящими их в действие, но даже с языком их, религиею, понятиями и нравами: разумеется, что при таких условиях чуть не каждый шаг наш долженствовал быть промахом» [9, с. 248].

Сам же В.В. Григорьев полагал, что все проблемы российских отношений с казахами вытекали из-за того, что русские администраторы не учитывали особенности менталитета «азиатцев». Именно на восприятии степняками русской власти и своего подданства он и сосредоточился в «Письмах из Зауральской орды». «Капитальною ошибкою русской политики в отношении к кайсакам, – писал он, – было убеждение, что успеха в делах с ними можно достигнуть кротостию, снисхождением, уступчивостию, подарками и ласками». «Излишняя снисходительность», зиждущаяся на христианских ценностях, была, по мнению В.В. Григорьева, совершенно непонятна для «азиатцев», рассматривалась как признак слабости и вызывала только неуважение к русской власти: «Кто допускает других оскорблять себя, обманывать и не мстить, не наказывает за это, тот не имеет, ни власти, ни силы» [8, с. 17]. «Долготерпение и уступчивость русских» только утверждали казахов в убеждении, что правительство бессильно наказать их, и тем самым власти провоцировали казахов на новые нападения и разбои. От имени казахского султана он рассуждал: «Уважает,

и крепко уважает азиатца не снисходительность ..., а справедливость, строгую справедливость. Хотите заслужить уважение азиатца, заставить его повиноваться себе, будьте, прежде всего, справедливы и строги. Снисходительность к виновному представляется в глазах его несправедливостью в отношении к правому» [8, с. 20].

Следует отметить, что не только В.В. Григорьев, но и другие оренбургские администраторы, в отличие от центральных властей, считали необходимым ужесточение ответственности казахских барымтачей за нападения на русскую границу. Занимавший пост председателя Оренбургской пограничной комиссии в 1825–1844 гг. Г.Ф. Генс в оставшихся неопубликованными заметках возмущался тем, что «киргизцам прощают все; все извиняют простотою нравов их и невежеством. Ожидают, что они просветятся, образуются и тогда сами собою отстанут от грабежей! Но никогда и ни в каком народе не выводились разбой и своеволия иначе, как наказанием преступников» [10, л. 20 об-21]. Впрочем, В.В. Григорьев и Г.Ф. Генс подчеркивали необходимость наказания только для лиц, совершивших тяжкие преступления против русского населения, и ни в коем случае речь не шла о «репрессалиях», которые бы затрагивали группы населения.

Однако центральная власть считала необходимым «приноравливаться» к казахам. В.В. Тимковский, один из создателей Азиатского департамента МИДа, командированный в 1820 г. в Оренбург с поручением разработать рекомендации по дальнейшей политике в отношении Младшего жуза, основную причину русско-казахских пограничных конфликтов видел в действиях местных российских властей, которые «по не искусству или малому усердию» только способствовали укоренению среди казахов «неустройств и смятений». Потому он предлагал рассматривать нападения и грабежи на русскую территорию всего лишь как «возмездные поиски» «для отплаты и мщения за свои страдания» [11, л. 268–268 об]. И российские власти, действительно, продолжали проводить довольно лояльную по отношению к барымтачам политику, при этом установив множество ограничительных мер для русского населения в целях недопущения конфликтных ситуаций [Подробнее: 12, с. 274–277].

Вероятно, поэтому В.В. Григорьев посчитал, что иная точка зрения будет выглядеть более убедительной, если будет обоснована от лица «образованного ордынца». Он раз за разом подчеркивает казахское происхождение якобы автора «Писем»: «Я сам, Мендали-Пиралиев, несмотря на русское образование мое, чувствую еще себя настолько азиатцем, что совершенно разделяю этот взгляд и считаю его весьма разумным» и вкладывает в уста выдуманного автора пространные рассуждения о том, что «снисходительность унижает и оскорбляет [казаха – С.Г.], а заслуженное наказание не унижит» [8, с. 20].

Политика подкупа казахской элиты могла бы быть эффективной, считал В.В. Григорьев, но оренбургские власти неразумно пользовались этим инструментом, раздавая награды и подарки не за реальные дела, а лишь за пустые обещания и мнимое подданство. При этом одариваемыми оказывались те ханы, султаны и старшины, которые

«явно и нахально обманывали правительство». Неразборчивое же «сорение подарками» приводило к неуважению, граничащему с презрением [8, с. 16].

С большой долей вероятности можно предположить, что такая острая критика политики «замирения» была во многом обусловлена событиями 50-х гг. XIX в., связанными с действиями Есета Котибарова. В советской историографии сложился образ Есета Котибарова, как руководителя национально-освободительного движения [13, с. 106–127]. В современном казахстанском мифотворчестве он предстает в образе безупречного национального героя [например: 14, с. 92–114].

Реакцией российских властей на нападения Есета и его сторонников на пограничную линию и активное участие в междоусобной войне с родом адай стали бесконечные попытки «вразумить» и «умиротворить» мятежного старшину, в том числе, и с помощью наград (15, л. 24–25об, 27 об–28].

Батыр принимал награды, заверял в преданности и через некоторое время возобновлял нападения, откочевывал в кокандские владения и возвращался снова к русской границе. В 1853 г. Есет Котибаров во главе барымтачей напал на отряд султана-правителя Арслана Джантурина, в результате чего султан и несколько человек из его окружения были убиты. Как отмечалось в отчете Оренбургской пограничной комиссии, подписанном В.В. Григорьевым, султан-правитель не предпринимал никаких мер предосторожности, «надеясь, кажется, до последней минуты жизни своей смирить Кутибарова мерами кротости и благоразумных внушений... и погиб от неуместной доверчивости к Исету» [16, л. 21 об.–22].

В.В. Григорьев, безусловно, был близко знаком с Арсланом Джантуриным, находившимся в непосредственном подчинении председателя Оренбургской пограничной комиссии, и гибель султана должна была произвести тяжелое впечатление на него. В.В. Григорьев рассчитывал, что виновные понесут наказание, но в 1858 г. Есет, воспользовавшись предложением оренбургского генерал-губернатора, явился с повинной, и был не только прощен, но и получил награду – 300 рублей серебром, освобождение от кибиточного сбора (налога, который уплачивали казахи) и в 1861 г. – должность управляющего отделением кабак рода шикли [17, с. 54].

Дальнейшие события все-таки подтвердили обоснованность такого подхода: Есет Котибаров больше не совершал нападений на русских, отказался от барымты, и в Степи, наконец, прекратились межродовые столкновения. Кипучий характер не позволил Есету оставаться без активной деятельности, но теперь уже в пользу России: он участвовал в завоевании Средней Азии на стороне русских войск, служил помощником Иргизского уездного начальника и до конца жизни оставался вполне лояльным империи. Однако в то время, когда В.В. Григорьев работал над «Письмами», было совсем неочевидным окончательное «замирение» этого мятежного батыра, и председатель Оренбургской пограничной комиссии имел все основания сомневаться в эффективности таких методов «водворения гражданственности» и считать их «ложными».

Резюмируя, что эта «ложная система действий переходила от одного начальника края к другому», В.В. Григорьев объясняет ее инерцией государственного аппарата и личными интересами местных оренбургских начальников, которые опасались ответственности в случае, если казахи, «раздраженные наказанием», перестанут придерживаться даже формального вассалитета («вдруг перестанут присягать, будет международный позор, что не смогли удержать в подданстве людей, добровольно подчинившихся») [8, с. 21–22].

В этих рассуждениях В.В. Григорьев игнорировал то обстоятельство, что центральные власти, исходя из интересов и возможностей России, изначально не были заинтересованы в реальном подчинении казахов, поэтому и избегали широкого применения силовых методов. Российские власти, включив казахов в состав России, понимали непрочность этого подданства, и считали необходимым постепенно, «приноравливаясь к местным обстоятельствам, ... готовить [казахов – С.Г.] к новому бытию политическому» [18, с. 251]. Даже накануне отмены ханской власти в Младшем жузе в 1824 г. петербургская администрация продолжала обоснованно сомневаться в необходимости включения казахов в состав империи и склонялась к тому, чтобы оставить их в номинальном вассалитете: «Может быть, гораздо выгоднее было бы, не принимая киргиз-кайсаков в число подданных России, почитать их только дружественными соседями, иметь на них влияние посредством договоров, подкрепленных в случае нужды превосходством силы, и извлекать от них возможную пользу, какую природное состояние, свойства сего народа и его географическое положение открывают» [10, л. 265]. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде, докладывая Азиатскому комитету, предлагал в отношении казахов «ограничиться на одном сильном политическом на них влиянии, а не искать управлять ими положительно» [19, л. 181 об].

Во второй половине XIX в., когда произошло реальное вхождение в состав России не только казахов, но и Средней Азии, такая позиция представлялась многим государственным деятелям (да и исследователям тоже) ошибочной и противоречащей российским интересам. В.В. Григорьев, возглавлявший Оренбургскую пограничную комиссию в 50 – начале 60-х гг. XIX в., когда в российских органах власти завершалось обсуждение дальнейшей судьбы Степи, рассчитывал с помощью публикации своих полемических «Писем» усилить позиции сторонников инкорпорации казахов в общеимперское политическое и правовое пространство.

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

РГИА – Российский исторический архив

ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

Литература

1. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 470 с.
2. Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1887.
3. Ремнев А.В. Султан Мендали Пиралиев: История одной мистификации // Вестник Кокшетауского университета имени Ш.Ш. Уалиханова. 2006. №3(12). С. 22–37.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2: Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.
5. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 414 с.
6. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб.: Типофотография В.В. Комарова, 1906. Т. 1. 536 с.
7. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях: Доп. материал для истории Хивинского похода 1873 г. СПб.: Типография т-ва «Обществ. польза», 1900.
8. Султан Мендали Пиралиев. Письма из Зауральской степи. М: Типография Бахметева, 1862. 24 с.
9. Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1874. Т. 1. С. 233–261.
10. ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3.
11. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а.
12. Горбунова С.В. «Не преследовать киргизцев в их границах ни шагу»: государственная регламентация отношений русского населения пограничных линий и казахов (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы V Международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 09–10 февраля 2016 года). Нижневартовск, 2016. Ч. II. С. 274–277.
13. Шахматов В.Ф. Исет Котибаров (к вопросу о вооруженном выступлении казахов против царизма в 1855–1857 гг.) // Известия КазФАН СССР. Серия историческая. 1946. Вып. 2(27). С. 106–127.
14. Жүрсінбаев Б.А., Жұбанышов Б.Т. Қазақстандағы азаттық қозғалыс тарихы: Оқу құралы. Алматы: «Қыздар университеті» баспасы, 2013. 377 б.
15. ЦГАРК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 408.
16. ЦГАРК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5144.
17. Перфильев А.Л. «Замирение» Есета Котибарова (к вопросу об урегулировании межродовых и пограничных конфликтов в Младшем казахском жузе в середине XIX в.) // Власть и общество в России: История и проблемы взаимоотношений: Материалы международной научной конференции. Смоленск, 2006. С. 49–54.

18. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. Т. I. 441 с.

19. АВПРИ. Ф. 161. СПб. ГА. I-1. Оп. 781. 1819-1849. Д. 489.

References

1. Vasil'ev, D.V. (2014). Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka. Moscow. (In Russian).

2. Veselovskii, N.I. (1887). V.V. Grigor'ev po ego pis'mam i trudam. 1816–1881. St. Petersburg, Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya. (In Russian).

3. Remnev, A.V. (2006). Sultan Mendali Piraliev: Istoriya odnoi mistifikatsii. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta imeni Sh.Sh. Ualikhanova*, 3(12), 22–37. (In Russian).

4. Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisakskikh, ord i stepei. Ch. 2: In *Istoricheskie izvestiya*, St. Petersburg. (In Russian).

5. Meier, L. 1865. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. St. Petersburg. (In Russian).

6. Terent'ev, M.A. (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. 1. St. Petersburg. (In Russian).

7. Lobysevich, F.I. (1900). Postupatel'noe dvizhenie v Srednyuyu Aziyu v torgovom i diplomaticheskovo-voennom otnosheniyakh: Dop. material dlya istorii Khivinskogo pokhoda 1873 g. St. Petersburg. (In Russian).

8. Sultan Mendali Piraliev (1862). Pis'ma iz Zaural'skoi stepi. Moscow. (In Russian).

9. Grigor'ev, V.V. (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Srednei Azii. *Istoricheskii ocherk*. In *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*, St. Petersburg, 1, 233–261. (In Russian).

10. GAOO. F. 166. Op. 1. D. 3.

11. RGIA. F. 1291. Op. 81. D. 44a.

12. Gorbunova, S.V. (2016). “Ne presledovat' kirgiztsev v ikh granitsakh ni shagu”: gosudarstvennaya reglamentatsiya otnoshenii russkogo naseleniya pogranychnykh linii i kazakhov (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). In *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Nizhnevartovsk, 09–10 fevralya 2016 goda)*. *Nizhnevartovsk*, II, 274–277. (In Russian).

13. Shakhmatov, V.F. (1946). Iset Kotibarov (K voprosu o vooruzhennom vystuplenii kazakhov protiv tsarizma v 1855–1857 gg.). *Izvestiya KazFAN SSSR. Seriya istoricheskaya*, 2(27), 106–127. (In Russian).

14. Zhyrsinbaev, B.A., & Zhybanyshov, B.T. (2013). Қазақстандағы азаттық қозғалыс тарихы: Оқи қырлы. Almaty. (In Russian).

15. TsGARK. F. 4. Op. 1. D. 408.

16. TsGARK. F. 4. Op. 1. D. 5144.

17. Perfil'ev, A.L. (2006). “Zamirenje” Eseta Kotibarova (k voprosu ob uregulirovanii mezhdovnykh i pogranychnykh konfliktov v Mladshem kazakhskom zhuze v seredine XIX v.). In

Vlast' i obshchestvo v Rossii: Istoriya i problemy vzaimootnoshenii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Smolensk, 49–54. (In Russian).

18. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii) (1960). Alma-Ata, I.

19. AVPRI. F. 161. SPb. GA. I-1. Op. 781. 1819-1849. D. 489.

Горбунова С.В. «Письма из Зауральской степи» султана Мендали Пиралиева: неофициальная точка зрения русского администратора на имперскую политику в Казахстане // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 14-23. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/02>

Gorbunova, S.V. (2021). "Letters from the Trans-Ural Steppe" by Sultan Mendali Piraliev: an Unofficial Point of View of a Russian Official on Imperial Policy in Kazakhstan. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 14-23. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/02>

дата поступления: 18.04.2021

дата принятия: 12.06.2021